

Тори Ни

Цин Але
Братья этой
барышни

том 1

RUGRAM

УДК 82-312.9

ББК 83.3(2)

Н60

Ни, Т.

Н60 Цин Але. Братья этой барышни. Том 1 / Т. Ни. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 366 с. — (Цин Але).

ISBN 978-5-517-12064-9

История становления императрицы альтернативного Древнего Китая Цин Але, ее приключения, адаптация в новом для нее мире после долгих лет изоляции на окраине Северного княжества, сложные отношения с семьей, развитие близких отношений с сыном Небесного Бога Ян-Инъ Тяня. Империя Поднебесной расколота на две части в результате военного противостояния влиятельных кланов, старый император умирает, не назначив наследника, и древний артефакт, веками поддерживающий мощь империи — лазурная печать — расколота на два куска. Части печати оказываются в руках враждующих кланов, одна часть — в Северном княжестве, вторая — в Южном царстве. Для восстановления внутренней духовной силы печати, чтобы она вновь могла воссоединиться, и новый император смог взойти на престол, требуется семнадцать лет. На этот период войны затихают, духовные школы готовят учеников-воинов, а часть печати, попавшая в тело юной дочери князя Цин Але — постепенно начинает себя проявлять. Не имея жизненного опыта и рано оставшаяся на попечении наставника на Пике Ша, барышня допускает ошибки, не принимая навязчивую опеку старшего брата — нового князя и доверяясь постороннему человеку, о котором ничего не знает. Часть тайн открывается к церемонии ее совершеннолетия — как жить с новой правдой, построить отношения с семьей и сдерживать под контролем внезапную тяжелую любовь к этому холодному человеку рядом?

BIC FM

BISACFIC009000

© Тори Ни, текст, обложка, 2025

© RUGRAM, 2025

ISBN 978-5-517-12064-9

© Т8 Издательские технологии, 2025

ГЛАВА 1

ЭТА БАРЫШНЯ РЕШАЕТ ПОДЧИНИТЬСЯ

В то время, когда Цин Але исполнилось восемнадцать лет и она еще не вернулась в столицу вместе с венценосными братьями, люди из Северного княжества о ней мало что знали. Ходили слухи, что у старого князя и его второй женушки много лет назад родилась дочь с демонической внешностью — золотыми волосами и темно-лазурными глазами, разве такое событие могло оказаться просто случайностью? Потому князь спрятал дочурку в самых далеких землях княжества — на горе Ша, где ранее располагалась одна из главных духовных школ севера — Пик Ша, но с прибытием дочери правителя по неизвестным людям причинам учеников школы распределили по другим духовным школам.

Некогда населенная даосскими последователями школа тихо перестала существовать, ученики ее разъехались по новым обителям, обсуждать перевод строго запрещалось, люди молчали, не желая разгневать строгого на наказания правителя, а впоследствии через десяток лет — и его сына, заняв-

шего княжеский престол после смерти отца. На Пике Ша от посторонних глаз был спрятан самый опасный секрет почившего князя, ведь кому хочется пересудов и закулисных шепотков, проще убрать дитя из поля зрения обывателей.

— Хорошо, что оставили в живых, — причитали тетушки в северо-восточных деревнях в нескольких днях пути от пагоды Ша, — чем дитя виновато?

— Если бы родился сынок, не отослал бы его в богами забытые пустоши, и увидели бы все мы, как вскормил бы демона во дворце своей столицы Ханьшань, а что — дочь? — доказывал посетителям торговец из маленького городка вблизи столицы.

— А я слышала, у дитя от рождения увечье, болезнь скрывают и потому никому нельзя приближаться к Пику Ша ближе, чем на пятьсот ли, — с уверенностью заявляла крестьянка на вечернем сборище у костра.

— Ерунда, в предгорной деревне живет мой брат, барышня здорова и в ней нет ничего от демоницы, с каких пор девичью красоту списывают на проявление темных сил? Юная госпожа носится по склонам, играет в горных ручьях, и вся деревня с ней отлично ладит, правда, людей из соседних деревень перестали пропускать, быть может, наш старей князь боялся и берег дочь, а юному князю теперь не до решения этого вопроса? Крайние северные земли плодородны и чисты, лучшее место взрастить цветок, не стоит вам всем распускать сплетни, скоро придет время, увидим, как наша барышня выйдет из тени, — мудро рассуждал старик.

— Бедное дитя, оторванное от родного гнезда, — всплакнули женщины в пагоде Ушань, что находилась западнее и ближе к столице княжества Ханьшань, — материнской ласки и нежности не видела, растет, как сорный куст

акалифы¹ под присмотром наставника, юный князь и не знает, как поживает его несчастная сестрица, были бы живы родители...

— Разве не этот демонический плод погубил княгиню в родах?

— А что, если юный князь выжидал, пока барышня подрастет и расцветет, чтобы выгодно пристроить ее замуж к союзнику генералу Е, иначе зачем именно теперь после стольких лет разлуки князь забирает барышню с Пика Ша в столицу Ханьшань? Поговаривают, князь наметил визит в земли Е. Разве полезный княжеству брак не единственно возможный повод забрать брошенную в детстве сестру? — не могли дойти до истины люди.

— Вы все — развратные сплетники! Почтенный генерал Е слишком стар для барышни, — рассердился старый наставник, учитель одной из школ северо-западной деревни Уши, — разве никто из вас не слышал, что барышню при рождении благословил сам небесный бог Ян-Инь Тянь?! Разве стал бы он изливать божественный свет на отпрыска Си-ней Бездны? И разве стал бы в свою очередь юный князь беспечно планировать брак сестры, ведь еще ничего неясно с судьбой самой Империи?! На Пике Ша — лучшие целебные горные источники, очевидно, что духовное ядро барышни нуждалось в укреплении после трудных родов ее матери, и гора — лучшее место, чтобы исцелить раны.

Доводы вмешавшегося уважаемого даоса были весьма убедительными, но разве могла одна здравая мысль остановить эту волну обсуждений, набравшую скорости на склонах

¹ Акалифа — куст растения, растущего на территории Китая, считается скорее сорным, стебли растения содержат ядовитый сок и опасны, здесь при сравнении с данным растением имелась в виду демоническая природа ребенка: хоть барышню и жалко, но она наверняка опасна и в жилах ее течет не такая кровь, как у обычных людей.

Северного княжества, ведь не каждый день сам юный князь Цин Лин с личным войском, да прихватив по пути младшего брата генерала Цин Бэя с военного учебного полигона в окрестностях Ша, едет через все княжество, чтобы забрать сестру домой. Это казалось людям столь невероятным событием, что стало единственной темой обсуждения и сплетен. С радостью и беспокойствами, с тревогами и волнениями люди следили за новостями и развитием событий, и последняя самая мощная волна разговоров, подкрепленная «достоверными» новостями из самого дворца укрепила в людских умах одну самую логичную версию происходящего: юного князя, бросившего младшую сестру на целых восемнадцать лет в монастыре Ша (так называли это место обыватели после роспуска школы), не навестившего ее ни разу за все эти годы, замучила совесть, и он принял решение воссоединить семью. Эта мысль была столь дерзкой и одновременно трогательной, что накрепко въелась в сознание бесчисленно огромной толпы жителей Северного княжества.

В то время, как в Южном царстве, где уже более десятилетия правила семья наместника Не — прямые императорские потомки, вообще ничего не слышали про барышню и планы правителя Севера. Изогнувшись медлительной змеей с мерцающей чешуйчатой кожей, река Янцзы разделила пополам некогда цельную Империю, после того, как сломался главный артефакт, дающий империи мощь. С тех времен прошло уже восемнадцать лет, и связи между жителями Северного княжества и Южного царства почти не осталось. Это был вынужденный период затишья в войне кланов.

Пик Ша с высоты драконьего полета, когда последний раз перед отходом ко сну мифический дракон Ян Лунь, накрыв тенью величественных бело-золотых крыльев предгорья и равнины, облетал гору, выглядел как самое райское место на этой земле, одно название, что край мира. Не зря хитрый

Ян Лунь выбрал именно эту благословенную гору возвращать свой нежный цветок Цин Але, и сладко спать самому в пещере под разлитым с небес жидким горячим солнцем: истинно — как золото проливалось близкое солнце на вершины и хребты Ша. Лишний раз не показываясь на глаза, белый дракон отдышал, одним полуоткрытым красным глазом с продолговатым черным зрачком наблюдая с высоты горы за тем, как подрастает дочь князя. Этот не вовремя пришедший в мир ребенок — теперь почти его дитя, — настолько оказалась важна княжеская дочка. Самого же Ян Луня фактически приставили нянькой княжескому отпрыску, но на то были свои причины.

Золоченные крыши залов Пика Ша отражали небесную палитру и свет скользил с них все ниже, по изломам стен, проваливаясь в раскрытые окна и проливаясь на пол золотыми осенними расплывчатыми лужами лучей. В это время на Пике Ша Цин Але накрепко заперлась в своем зале Дао Тянь, подперев дверь изнутри двумя тяжелыми столиками, придвинув вслед за столиками еще и столь же тяжелое кресло, для надежности, чтобы сходящий с ума от беспокойства ее наставник не смог пройти эту линию обороны и увидеть ее в таком состоянии. Она не знала, что больше ее беспокоило — стыд перед наставником или же просто нежелание с кем-либо обсуждать последние новости.

Под дверью переминался с ноги на ногу обеспокоенный мужчина средних лет, виски его были отмечены благородной сединой, а серый халат обрамляла золотая кайма с гербом княжества и бывшей империи: полудраконом-полуящером, мифическим существом. Образцовый наставник Пика Ша Гу Цзю беспокоился более обычного, лицо его было серым и несколько морщин пролегли на лбу, он никогда не умел быть убедительным и многословным, за все годы, пока он воспитывал и наставлял княжескую дочь, он ни разу не вы-

шел из себя, не повысил голоса, не настаивал ни на чем, не мог толком даже возразить барышне, — могло показаться со стороны, ему безразлично, и этот даос просто несет взваленную на него правящей семьей обязанность, но все-таки сбитое дыхание его и то, как судорожно вздымалась его грудная клетка под слоями простых сероватых учительских халатов, выдавали его трудно скрываемое беспокойство. Он попросту не знал, что делать, как реагировать и как уговорить барышню, наконец, выслушать его.

— Цин Але, прошу тебя, ты никогда так себя не вела, открой дверь, мы сядем, выпьем чаю, госпожа Гу Вэй принесет рисовые пирожные. Те самые из цветочной пыльцы, ты так любишь их, мы можем поговорить и втроем, госпожа Гу наставит и подскажет, — упомянув супругу, и зная, сколь теплые отношения сложились между ней и барышней, Гу Цзю надеялся таким путем достучаться до сердца княжны.

Из-за закрытых дверей зала Дао Тянь после паузы молчания послышался негромкий приятный девичий голос:

— Наставник Гу, позвольте мне побыть одной. Знаю, вы беспокоитесь, все в порядке, мне нужно подумать, и, более того, у меня нет настроения пить чай. Когда приедет гун¹ и генерал Цин Бэй (Цин Але намеренно, называя имя среднего брата, избегала называть старшего брата по имени, показывая безразличие к его важной персоне), я встречу его и не опозорю наставника. Если наставник переживает об этом моменте встречи.

— Юная госпожа, умоляю тебя, открой двери! — голос Гу Цзю звучал с хрипотцой, ему было сложно, как никогда, восемнадцать лет он присматривал за барышней, и теперь был вынужден провожать ее в дорогу.

¹ Гун — титул князя в Древнем Китае.

В предыдущие годы даосу Гу казалось, что, когда этот день наступит и братья, наконец, заберут сестру домой, сам он, почтенный Гу, станет свободным и сможет вернуть распушенных годами ранее учеников, вернуться к прежней жизни наставника духовной школы, и он истинно ждал этой возможности. Но теперь, когда этот день настал и был реален более, чем что-либо самое настоящее и материальное, он не чувствовал освобождения, где-то глубоко в груди под ребрами неумолимо щемило. Где-то глубже, за сердцем слабо светило его духовное ядро небожителя, содрогалась такая же слабая душа, и, если бы не обстоятельства прощания, он никогда не открыл бы в себе эту предательскую брешь.

«Не привязывайся к ребенку, Гу, — такое наставление дал он себе давно в начале пути, — этот ребенок еще причинит нам всем проблем».

Но шли годы, и выразительные темно-бирюзовые глаза Цин Але, ее светлая улыбка и ее чистая душа, сделали свое дело, прорастив корни скрытой, глубокой и болезненной привязанности наставника к своей ученице.

Цин Але больше не обращала внимания на стук. Даже когда голосов под дверью прибавилось, и она отчетливо слышала шаги дорогой матушки Гу Вэй, то, как звенели на металлическом подносе принесенные ею чашки, и то, как второпях госпожа Гу тревожно говорила что-то супругу и в какой-то момент, что неслыханно и странно, даже повысила на него голос.

Цин Але закрыла лицо руками. Плакать нельзя, точнее, конечно, можно, но какой в этом смысл? Окончательно расстроить образцового наставника и его супругу, и ничего, совсем ничего не смочь изменить этими пустыми слезами. Вот если бы поток слез был настолько огромным, что впадал в Хуанхэ полноводными течениями и унес вслед за собой ее саму — подальше от холодного и безразличного к ней брата,

что ни разу за все годы не проявил к ней интереса. Но именно теперь решил фактически сломать её жизнь — заставить подчиниться своей воле, покинуть родное место, ради чего, зачем она понадобилась этому отбросу именно сейчас? И да, думать о нем, как о последнем отбросе — причиняло странное удовольствие, — так можно было не скатиться до болезненных слез, у Цин Але не было повода ненавидеть этого человека, ведь он вовсе не сделал ей ничего плохого — до этого дня. Впрочем, и хорошего ничего он не сделал тоже, он просто не существовал во времени и пространстве для нее, в ее отдаленном от мира монастыре Ша. За все годы лишь другой брат, мягкосердечный добродушный Цин Бэй часто навещал ее, особо не афишируя никому эти визиты, возможно, так он скрывал общение с сестрой от старшего правящего брата.

Не обращая внимания на шевеления по другую сторону двери зала Дао Тянь, Цин Але постаралась сконцентрировать внимание и еще раз подумать, ей казалось, что какое-то, не очевидное сразу, решение, наверняка есть. Отказываться покидать дом было бессмысленно, Цин Лин проехал с войском через столько земель, дорога от столицы Ханьшань до горы Ша заняла около десяти дней пути, это не шутка, оставить все столичные дела и самому отправиться на край земель (зачем он это сделал и почему не отправил подчиненных, или хотя бы не доверил привезти сестру одному Цин Бэю, чей военный полигон размещался лишь в сутках пути от Пика Ша, и почему выбрал передвижение по земле, а не более быстрое на мечях?), и конечно же, так князь и развернулся обратно по просьбе сестры, к которой не проявил и капли интереса за все годы существования. Глупо думать, что, стоит попросить его, и он вдруг согласится, у брата, очевидно, был собственный план и собственное видение ситуации.